

Человек со звезды

Михаил Зонненштраль, Михаил Георгиевич, Миша...

Этого удивительного артиста я увидела впервые 13 лет назад в дипломном спектакле Шуйкина театрального училища "Человек со звезды". Студенты мне сказали, что этот выпускник, с такой редкой фамилией, сам поставил спектакль, на который

невозможно попасть, играет в нем главную роль, что среди однокурсников он пользуется особым уважением, и на вопрос: "Кто же он?" – можно было получить безапелляционный ответ: "Миша? Гений!"

На сцену вышел очень высокий, чуть сутуловатый молодой человек с прекрасными руками, немного вздернутым носом, что придавало лицу открытость, и посмотрев в зал ясными детскими глазами, негромко заговорил. Меня удивило тогда многое: данные (удлиненные пропорции архангела с фрески), раскованность и его уверенность в том, что все, что он негромко скажет, или все, о чем промолчит, будет нами понято. Трагедию немца, вернувшегося с фронта и потерявшего все, он играл без пафоса и нажима. В сцене, где его героя собиралась бить группа парней, он не двигался с места (хотя уже понял, что скорее всего его убьют) и только смотрел на них своими кроткими глазами. Такие, наверное, были у князя Мышкина. Успех у спектакля был огромный, многие смотрели по пять раз. Зонненштраль взяли в театр Сатиры.

Год назад, прочитав довлатовский "Заповедник", я нашла его телефон и предложила написать инсценировку, чтобы поставить спектакль с молодежью театра имени Моссовета. При первой встрече он долго молчал, слушал, потом расхохотался, и, взяв мои наброски, сказал, что позвонит через три дня. Звонок раздался через три часа: "Ольга! Я ударен в самое сердце! Мой материал. Готов ставить на любых условиях и в любом месте".

Начались радостные дни нашего творческого знакомства. Он смотрел наши спек-

такли, я зачастила в Сатиру. Первым посмотрела его инсценировку по "Мастеру и Маргарите" ("Шизофрения, как и было сказано"). Смелый спектакль, особенно помню сцену бала, где томились "души", бесформенные, жалкие. Где-то звучало чавканье и трубные звуки, издаваемые каким-то чудовищем. Потом его спектакль "Как пришти старушку" – бенефис прекрасной Ольги Аросевой. Помню, что спектакль окончился, а публика не хотела уходить с этого праздника. В зале царил радость и человеческое тепло. Видела его тонкую актерскую работу – главную роль в "Самом убийце". Последнее, что довелось увидеть, был веселый пройдоха слуга Транио в "Укрощении строптивой". Звонок: "Как тебе?" – "Смешно. Но лучше бы ты играл Люченцио". – "Почему?" – "Просто, когда ты вскидываешь свои прекрасные руки и читаешь Шекспира, аристократическое лицо не спрятать". Стихи он читал замечательно. Поставленный в "Вернисаже" "Каменный гость" начинался с заворачивающего чтения им Байрона. На "пятатке" этой сценки он сделал "постановочный" спектакль. Сказывалось первое, инженерное, образование – МАИ, где Миша защитил диплом с умопомрачительным названием про радиолокационные системы. Считал, что главное в его режиссуре – конструкция, я спорила, что главное – его умение работать с актером.

Инсценировку "Заповедника" написал шутя, за две недели. Репетировали радостно. Очень спешили, теперь понимаю почему. (Актеры впервые в его жизни называли его по отчеству. Он смущался, но таково

было их искреннее уважение к Мастеру). Музыка всегда выбирал замечательно. Показ был праздником театра, руководство дало "зеленую улицу", осенью – премьера. Но наступил день 7 июля...

О трагической гибели его будет много домыслов, бестактных догадок, просто сплетен. Я знаю одно – это трагическая случайность.

Последним музыкальным произведением, которое он слушал, была 4-я симфония Чайковского. Он радостно и возбужденно говорил о теме Рока: "Какая музыка! Вообще я – фаталист, да еще не очень везучий".

Миша был чистым, добрым, деликатным человеком. Не помню его рассказывающим анекдот или сплетню. Часто краснел от смущения. За неделю до смерти сказал: "Я очень люблю свою жену. Впрочем, "люблю" – не выражает. Больше, чем люблю". Обожал своих красивых детей. А еще любил быстро ездить на машине. Застенчивый и тихий в жизни, за рулем был резким. Мягкий и кроткий, часто нуждающийся, безапелляционно отдавал роль или пьесу, если не нравилась. Купить его было нельзя. Переживал, когда ругала критика (а были часто наотмашь), но никогда не жаловался и не огрызался. Теперь мы остались одни. Со спектаклем, который обязательно доделаем.

Да, для не знающих немецкий: "Зонненштраль" – это в переводе "солнечный луч". Нам он будет светить всегда.

Ольга АНОХИНА,
актриса театра имени Моссовета